Б23 2/117

823 2/117

КЪ ИСТОРІИ СВЯТОКЪ

И

ИХЪ ПРАЗДНОВАНІЯ.

С. Ф—ва.

МОСКВА.

—

1878.

КЪ ИСТОРІИ СВЯТОКЪ

И

ИХЪ ПРАЗДНОВАНІЯ.

С. Ф—ва.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1878.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 22093
16/IX 1936 г.

Дозволено цензурой. Москва. 12 января 1878.

КЪ ИСТОРІИ СВЯТОКЪ

И ИХЪ ПРАЗДНОВАНІЯ.

Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима,
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо.

Пушкинъ.

По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера.
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали
И имъ сулили каждый годъ
Мужей военныхъ и походъ.

Пушкинъ.

Прошло немного времени съ того дня когда угасъ величайшій изъ русскихъ поэтовъ, а между тѣмъ въ его

сочиненіяхъ уже найдется многое что̀ съ каждымъ годомъ будетъ становиться все непонятнѣе для молодаго поколѣнія, что̀ можетъ-быть непонятно ему и теперь. Дѣловая практическая жизнь безпощадно вытѣсняетъ жизнь фантазіи и чувства. Пушкинъ еще засталъ святочныя гаданія какъ поэтическій обычай сопровождающій рождественскіе праздники. Обычай этотъ исчезъ въ настоящее время. Смѣшно гадать когда мы живемъ исключительно умомъ, разчетомъ, вычисленіемъ, когда для насъ не существуетъ болѣе ничего таинственнаго, непонятнаго и неяснаго. Но дѣло не въ одномъ святочномъ гаданіи. Вѣкъ пара, электричества и машинъ сознательно старается сократить себѣ праздники: ему не дорого то радостное праздничное чувство которое вызываетъ невидимое общеніе между старымъ и молодымъ, богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и простолюдиномъ, общеніе обычая, преданія, завѣта сѣдой старины; ему дорого только время, ибо время — деньги. Для молодаго поколѣнія, повидимому, скоро совершенно исчезнетъ то представленіе о святкахъ которое свѣжо еще въ нашей памяти. Лихорадочная суетливость нашей жизни не даетъ намъ вре-

мени уйти къ себѣ и въ себя; современному человѣку некогда позабыть о своихъ внѣшнихъ волненіяхъ и обязанностяхъ, ему некогда посидѣть у домашняго очага и отдаться его вѣковой поэзіи, его успокоивающему, смягчающему вліянію. Намъ думается что всѣ современныя дѣтскія елки и балы въ клубахъ и собраніяхъ никогда не будутъ въ состояніи замѣнить тѣхъ наивныхъ и невинныхъ домашнихъ удовольствій которыми полна была прежде каждая семья въ двѣ драгоцѣнныя недѣли съ 25 декабря по 6 января, — недѣли исключительно посвященныя дому и семьѣ, равнявшія стараго съ малымъ и одинаково подчинявшія всѣхъ обаянію домашняго очага. Вокругъ этого очага у котораго собирались три поколѣнія, изъ нѣдръ семьи, хранительницы обычаевъ и преданій, поднимались разказы о быломъ, и внуки, затаивъ дыханіе, прислушивались къ тихому голосу дѣда который вспоминалъ обычаи, повѣрья и преданія слышанныя имъ въ его собственной молодости. Быть-можетъ нигдѣ преданіе не стоитъ на такой вѣковой исторической почвѣ какъ въ той роскошной легендарной области

которая охватываетъ конецъ стараго и начало новаго года. Читатели могутъ не повѣрить намъ если мы скажемъ имъ что святочные праздники и соединенные съ ними обряды, игры, гаданья, повѣрья имѣютъ свою *тысячилѣтнюю* исторію. А между тѣмъ это такъ. Въ глубокой древности, задолго до появленія христіанства, Арійскіе народы уже праздновали въ концѣ декабря поворотъ солнца на лѣто. Празднованіе это совпало затѣмъ съ праздниками Рождества и Крещенія. Языческіе обряды уступили мѣсто христіанскимъ символамъ, суровая и мрачная демонологія смѣнилась свѣтлыми образами христіанскаго міра, къ исконнымъ космическимъ представленіямъ и вѣрованіямъ присоединился духовный элементъ христіанской легенды и поэзіи. Съ этою-то исторіей празднованія святокъ въ христіанскомъ мірѣ и съ декабрьскими праздниками временъ язычества хотѣлось бы намъ познакомить нашихъ читателей. Быть-можетъ многое окажется имъ неизвѣстнымъ, многое броситъ свѣтъ на тотъ или другой святочный обычай. Презрѣніе къ „суевѣрію“ смѣнится быть-можетъ глубокимъ уваженіемъ къ послѣднимъ замирающимъ отголоскамъ

сѣдой исторической старины. Въ изложеніи нашемъ мы будемъ руководствоваться сочиненіями извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Маннгардта.

I.

Глубокая скорбь овладѣвала язычниками при смѣнѣ ясныхъ солнечныхъ дней лѣта короткими и темными днями зимы. Солнце, повидимому, навсегда прощалось съ землей, и вмѣстѣ съ нимъ исчезали кроткіе боги ниспосылавшіе благословеніе на трудъ человѣка. На смѣну ихъ являлись злыя силы и сковывали снѣгомъ и льдомъ источники, рѣки, благодатный теплый дождь; земля лежала погруженною въ глубокій смертный сонъ. Еще и теперь Индусы считаютъ несчастливыми ноябрь и декабрь мѣсяцы. Въ началѣ декабря брамины начинаютъ готовиться строгимъ постомъ къ пробужденію бога Вишну, который, по ихъ ученію, спитъ четыре мѣсяца. Дома метутся и убираются, улицы освѣщаются фонарями; все ожидаетъ желанной минуты пробужденія бога, возвращенія живительныхъ лучей солнца, и глава каждой семьи приноситъ праздничную жертву пробудившемуся божеству. Въ

древней Греціи при наступленіи кратчайшихъ дней женщины въ дикомъ изступленіи оплакивали исчезновеніе Діониса, бога юности и веселья, олицетворившаго собою творческую силу природы. 20 декабря жрецы приносили тайныя жертвы богу, и затѣмъ скорбь смѣнялась радостью. На покрытой снѣгомъ вершинѣ Парнаса дѣвушки пробуждали своими кликами спящаго Діониса и съ восторгомъ объявляли вѣсть о томъ что Діонисъ живъ, что онъ „опять родился“. Въ Римѣ съ 17 по 24 декабря праздновались сатурналіи въ честь бога Сатурна, покровителя земледѣлія, ниспослателя жатвъ. Въ храмѣ его зажигалось множество свѣчей, какъ символъ возврата солнца, и соединеннаго съ нимъ возвращенія Сатурна скрывавшагося зимой. Всѣ дѣла прекращались; нельзя было ни давать сраженія, ни приводить въ исполненіе казни, ни требовать уплаты долга. Вечеромъ въ первый день праздника рабы разносили подарки друзьямъ дома и получали вездѣ кружку вина для подкрѣпленія силъ и въ награду за трудъ. Между подарками занимали первое мѣсто восковыя свѣчи, какъ символъ свѣта; затѣмъ слѣдовали плоды, одежды, книги, сосуды и т. д. Знатные приглашали къ

своему обѣду людей небогатыхъ и незначительныхъ; рабы садились за одинъ столъ съ господами и получали разрѣшеніе говорить все не стѣсняясь, ибо въ дни Сатурналій нельзя было гнѣваться. Два послѣдніе дня праздника посвящались исключительно дѣтямъ; имъ дарили куколъ—небольшія фигуры изъ глины или кости, для продажи которыхъ учреждался особый торгъ. Мало-по-малу обычай пошелъ далѣе. Рабы на время праздника вступали въ роль господъ; они бѣгали въ ихъ платьѣ по улицамъ, кричали, веселились, читали господамъ нравоученія; господа сами прислуживали имъ за столомъ. Раздача подарковъ друзьямъ и стоимость этихъ подарковъ приняла такіе размѣры что многіе входили въ долги чтобъ только не отстать отъ другихъ въ роскоши даровъ. Сатурналіи превратились въ дни полной разнузданности страстей и совершенно утратили свой первоначальный характеръ. Римскіе императоры прибавили къ празднику Сатурналій еще одинъ лишній день—25 декабря—назначенный для празднованія „непобѣжденнаго солнца“. Но въ это же время между болѣе образованными Римлянами началъ развиваться занесенный съ востока ми-

стическій культъ бога *Митра.* Въ мистеріяхъ этого культа непобѣдимаго бога солнца лучшее римское общество искало возмѣщенія прежняго этическаго значенія выродившагося праздника Сатурналій.

Народы сѣвера, Датчане, Шведы, Норвежцы, первоначально считали Новый Годъ съ 12 января и въ теченіе первыхъ трехъ его дней праздновали окончаніе „зимней ночи“ начинавшейся съ половины октября. Празднованіе это называлось праздникомъ *Іула;* это слово вѣроятно означало *колесо*: народъ сѣвера представлялъ себѣ солнце въ видѣ большаго золотаго круга, въ видѣ вращающагося колеса которое совершаетъ свой бѣгъ вокругъ земли. Въ 940 году послѣ Р. Х. норвежскій король Гаконъ Добрый перенесъ праздникъ Іула на 25 декабря чтобы по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ приблизить свой народъ къ христіанской вѣрѣ. Англо-Саксы, Готы и другія германскія племена торжествовали праздникъ Іула съ нѣкоторымъ различіемъ въ числахъ, такъ какъ Новый Годъ приходился у нихъ не въ одно время; со введеніемъ христіанства, праздникъ этотъ у всѣхъ германскихъ народовъ перенесенъ былъ на 25 дека-

бря и такъ какъ онъ не совпадалъ уже болѣе съ Новымъ Годомъ (1 января), то праздничные обряды удержавшіеся въ народной памяти распредѣлились между Рождествомъ, кануномъ Новаго Года и Крещеніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи праздникъ Рождества еще и теперь называется *Yule*, а въ Швеціи и Норвегіи *Iul*. Праздникъ Іула отъ котораго до нашего времени сохранились нѣкоторыя святочныя ловѣрья, заслуживаетъ чтобъ остановиться на немъ съ нѣкоторою подробностію.

Въ основаніи этого праздника лежитъ мысль о возвращеніи къ природѣ новой жизни вмѣстѣ съ наступленіемъ поворота солнца. Зимняя ночь приносила съ собою тяжелое время для обитателя сѣвера. Боги находились какъ бы подъ вліяніемъ какихъ-то злыхъ чаръ. Земля засыпала, и вмѣстѣ съ нею засыпали деревья, травы, цвѣты, плоды. Отецъ боговъ Одинъ или Воданъ носился лѣтомъ на крыльяхъ вѣтра вмѣстѣ съ душами умершихъ героевъ—и дуновеніе теплаго вѣтра заставляло созрѣвать жатву. Свѣтлыя богини Фрейа, Гольда и Берта ходили лѣтомъ по землѣ, разнося помощь человѣку; тысячи эльфовъ,

маленькихъ духовъ дружественныхъ людямъ, ибо души добрыхъ людей превращались въ нихъ, вездѣ помогали жизни природы и преуспѣянію ея плодовъ и произведеній. Теперь—Одинъ слалъ въ пещерѣ лодъ вліяніемъ злаго волшебства, и вмѣстѣ съ нимъ спали души героевъ. Не спали одни злые духи. По Исландіи ходила страшная волшебница Грила въ сопровожденіи своего мужа Лепла-Луди, хватала непослушныхъ дѣтей, прятала ихъ въ мѣшокъ и пожирала одного за другимъ. Въ Даніи и Швеціи спускались съ горъ великаны и похищали запасы изъ кладовыхъ, а иногда и самихъ людей. Въ Даніи еще и теперь сохранился святочный обычай связанный съ этимъ вѣрованіемъ: работникъ намазываетъ лицо сажей, надѣваетъ на себя лошадиную полону, къ которой привязывается длинный хвостъ, беретъ въ ротъ палку уставленную зажженными свѣчами, и въ этомъ нарядѣ вползаетъ въ дома требуя орѣховъ и яблоковъ. Такъ называемые *Waldteufel*, безъ которыхъ въ Берлинѣ не обходится ни одинъ рождественскій базаръ, и разнаго рода другія колотушки и трещетки тысячами продаваемыя въ Германіи передъ Рождествомъ составляютъ не

что̀ иное какъ уже безсознательное въ настоящее время подражаніе вою и скрежету злыхъ духовъ. Передъ наступленіемъ Рождества начинаетъ воскресать надежда на возвращеніе солнца. Въ южной Германіи существуетъ обычай по которому три послѣдніе четверга передъ Рождествомъ дѣти отправляются ночью подъ окна знакомыхъ и кидаютъ въ нихъ горохомъ; шумъ этотъ долженъ напомнить о приближеніи солнечнаго поворота. Жизнь возвращалась къ природѣ когда проносился по воздуху Одинъ со своею дружиной, такъ - называемая „дикая охота“, *die wilde Jagd.* Вѣра въ дѣйствительное существованіе этой охоты привидѣній упорно держится въ Германіи по настоящее время. Въ воздухѣ слышится топотъ коней, звукъ роговъ и лай собакъ; столѣтніе дубы трещатъ и наклоняются, а по вершинамъ ихъ несутся сотни тѣней. Крестьяне сѣверной Германіи вѣрятъ еще и теперь что если въ домѣ или въ какомънибудь хозяйственномъ строеніи отперты ночью нѣсколько дверей подъ рядъ, то дикая охота спускается на землю и проскользаетъ черезъ нихъ. Иногда Одинъ позабываетъ въ домѣ одну изъ своихъ собакъ; цѣлый годъ

лежитъ эта невидимая тѣнь на печи, давая знать о своемъ присутствіи постояннымъ визгомъ и лаемъ; но когда вновь наступаетъ Рождество, Одинъ снова проносится мимо этого дома, зоветъ собаку, и она слѣдуетъ за своимъ повелителемъ. Въ южной Германіи легенда нѣсколько измѣнила свою редакцію. На Рождествѣ слышится въ воздухѣ удивительное лѣніе исполняемое безчисленнымъ множествомъ голосовъ: то поетъ дружина Одина несущаяся въ колесницахъ. Чѣмъ болѣе шумитъ поѣздъ Одина, тѣмъ лучше будетъ урожай. Въ подражаніе Одину, который въ широкомъ плащѣ несется впереди своей дружины на бѣломъ конѣ, во многихъ мѣстностяхъ Германіи молодые парни наряжаются на Рождествѣ фантастическими всадниками. На грудь надѣвается рѣшето, къ которому прикрѣпляются длинный шестъ и лошадиная голова, и затѣмъ вся фигура покрывается бѣлою простыней. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ всадникъ называется *Рупрехтъ*; иногда Рупрехтъ является въ видѣ работника — *Knecht Ruprecht* — который изображается въ формѣ старика закутаннаго въ шубу или обвернутаго соломой; старикъ этотъ ходитъ пѣшкомъ по домамъ и,

держа въ одной рукѣ палку или прутъ, раздаетъ яблоки и орѣхи. Подъ всѣми этими оболочками скрывается воспоминаніе объ Одинѣ, который, появляясь вблизи человѣка, приноситъ ему обиліе и благосостояніе. Даже многіе изъ употребительныхъ въ Германіи пряничныхъ леченій служащихъ для украшенія елки, подъ грубою фигурой всадниковъ и человѣчковъ, первоначально были ничѣмъ инымъ какъ изображеніями Одина снова появившагося на землю.

Появленіе Одина съ его дружиной и всѣ связанныя съ этимъ повѣрья и обычаи предшествовали собственно празднику Іула. Праздникъ этотъ открывался въ Швеціи и Норвегіи, вѣроятно также и въ Германіи, торжественнымъ жертвоприношеніемъ; герольды разносили затѣмъ объявленіе о наступленіи трехнедѣльнаго мира: никто не долженъ былъ прикасаться къ оружію, всякая общественная и частная вражда прекращалась на это время. На дворахъ богатыхъ людей и въ палатахъ сѣверныхъ королей собиралось громадное количество гостей. Двери были открыты для всѣхъ, и каждаго гостя встрѣчали съ почетомъ и

2

вниманіемъ: никто не могъ поручиться чтобы подъ видомъ смертнаго не скрывалось какое-нибудь изъ высшихъ существъ вновь появившихся на землю. На горахъ зажигались костры; въ Англіи на нихъ загоняли совъ, глаза которыхъ свѣтятся во тьмѣ, и бѣлокъ съ красною шерстью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ катали колесо какъ символъ солнечнаго диска; парни кидали въ домъ дѣвушкамъ деревянный кругъ обитый золоченою жестью и утыканный яблоками; передъ домами ставили елки и убирали ихъ лентами и свѣчами. Въ главной комнатѣ пылалъ огромный пень, символъ возродившагося свѣта; на столахъ горѣли лучины съ тремя развѣтвленіями; полъ и лавки покрывались чистою соломой, изъ которой, по окончаніи праздника, дѣлались гнѣзда для носки домашнихъ птицъ: солома эта предохраняла птицу отъ нападенія хищныхъ звѣрей и дурнаго глаза. Домашнимъ животнымъ насыпался въ ясли отборный кормъ, а на ясли ставились небольшія свѣчи; для птицъ кидали за дверь снопъ ржи, и на гумно выносили блюдо съ кашей и новое платье для домашняго духа — *Hausgeist*. Затѣмъ начинался собственно пиръ. Хозяинъ дома садился на

возвышеніи, соотвѣтственно своему сану; по обѣимъ сторонамъ его, на лавкахъ, размѣщались гости. Загадки и праздничныя игры, въ которыхъ принимали участіе старики наравнѣ съ молодыми, смѣнялись появленіемъ ряженыхъ, изображавшихъ Одина и его супругу Фрею; являлась зима и спорила съ лѣтомъ; зима, разумѣется, оказывалась побѣжденною. Наконецъ приступали къ трапезѣ. По обычаю перешедшему изъ незапамятныхъ временъ, въ числѣ другихъ кушаній должна была находиться овсяная каша съ сельдями, и любопытно что въ Германіи до настоящаго времени постоянно подаютъ на Рождествѣ рыбу и какое-нибудь разваренное зерно, макъ, чечевицу, рисъ и т. д. Кто соблюдалъ этотъ обычай, для того каждое зерно предвѣщало золотую монету которую онъ долженъ былъ получить въ теченіе года; напротивъ, нарушителя отеческихъ преданій ожидала жестокая кара: по преданію существовавшему въ Тюрингіи, богиня Берхта распарывала виновному животъ, насыпала въ него отрубей и зашивала его плугомъ и желѣзною цѣпью. Кабанъ былъ животнымъ посвященнымъ богу солнца; поэтому

за праздничнымъ столомъ непремѣнно появлялось свиное мясо. Въ Оксфордскомъ *Queen College* до настоящаго времени подаютъ наканунѣ Рождества кабанью голову за ужиномъ; въ Германіи удержался обычай жарить на Рождествѣ поросятъ. На праздничномъ пирогѣ дѣлалась изъ тѣста щетина, или изображалась свинья; остальное печенье имѣло форму круга или колеса съ четырьмя спицами. Первая чара выпивалась въ память Одина, вторая въ честь солнца, третья въ честь Браги, бога поэтовъ, воодушевителя и помощника въ каждомъ дѣлѣ. Осушая эту чару, каждый клялся исполнить въ наступающемъ году какое-нибудь трудное и великое предпріятіе. Въ полночь пиръ кончался, и всѣ удалялись изъ комнатъ. Накрывался новый столъ, и настежь раскрывались всѣ двери. Свѣтлые, добрые эльфы, богиня Перхта съ душами умершихъ новорожденныхъ дѣтей, души предковъ могли навѣстить каждое жилище. Но ни одинъ глазъ не долженъ былъ видѣть таинственныхъ гостей. Всѣ удалялись чтобы на открытомъ воздухѣ испытать различныя чудесныя явленія совершавшіяся въ это праздничное время. Всѣ тайны открывались сами собою. Въ извѣстный

часъ ночи можно было видѣть сокровища скрытыя въ нѣдрахъ горъ; на перекресткахъ дорогъ и въ лѣсу, тамъ куда не доносилось ни лѣніе лѣтуха, ни лай собаки, проходили видѣнія по которымъ заключали о всемъ предстоящемъ въ будущемъ году. Дѣвушки гадали о женихахъ, и способы этого гаданія были весьма разнообразны. Женихъ являлся и садился противъ своей суженой за столъ на которомъ поставлено было девять кушаній; женихъ показывался въ отверстіи печи, на днѣ колодца, въ углу комнаты которую дѣвушка заметала пятясь задомъ въ одной сорочкѣ. Если при этихъ явленіяхъ слышенъ былъ звукъ рога, то суженый былъ пастухъ, если слышалось хлопанье бича—охотникъ. Въ скорлупу орѣховъ ставили свѣчку, и нѣсколько такихъ скорлупъ пускались на воду, причемъ каждая изображала извѣстное лицо: если двѣ скорлупки съ находящимися въ нихъ свѣчами плыли другъ на друга, то это обозначало брачный союзъ, ибо жизнь человѣка давно отождествлялась съ ладьей и съ горящею свѣчей. Слуги гадали о томъ останутся ли они на слѣдующій годъ у тѣхъ же хозяевъ, и для этой цѣли они бросали черезъ го-

лову башмакъ. Если онъ падалъ носкомъ къ двери то это предвѣщало поступленіе слуги къ другому хозяину, ибо по древнему обычаю слуга поступавшій въ работу и дѣвушка поступавшая подъ власть мужа должны были ступить ногою въ башмакъ господина или мужа въ знакъ того что они будутъ ходить подъ его защитою и охраной. Чтобъ узнать который мѣсяцъ будетъ самый дождливый, разрѣзали луковицу на двѣнадцать частей, давали каждой названіе мѣсяца и посыпали ихъ солью; мѣсяцъ соотвѣтствующій частицѣ наиболѣе увлажненной долженъ былъ оказаться самымъ обильнымъ водою. За собственно праздникомъ слѣдовало еще двѣнадцать священныхъ дней, въ теченіе которыхъ прекращались всякія работы. Дни эти назывались „двѣнадцатью ночами“, ибо древніе жители сѣвера считали время по ночамъ и зимамъ, а не по днямъ и лѣтамъ. Каждый изъ этихъ дней считался какъ бы изображеніемъ одного изъ двѣнадцати мѣсяцевъ новаго года; какою оказывалась погода въ каждый изъ этихъ дней, такою должна она была оказаться въ соотвѣтствующій ему мѣсяцъ.

Мы изложили въ бѣгломъ очеркѣ

языческіе праздники совпавшія по времени съ празднованіемъ святокъ. Читатели наши могли убѣдиться что многіе обычаи и повѣрья этой сѣдой старины сохранились до нашихъ дней въ болѣе или менѣе видоизмѣненной, исключительно внѣшней формѣ; живучесть эта доказываетъ какая громадная жизненная сила скрывается въ таинственномъ родникѣ народнаго творчества, и какъ неразрывно соединяются въ этомъ творческомъ процессѣ содержаніе и форма. Мы перейдемъ теперь къ исторіи празднованія святокъ въ христіанскомъ мірѣ. Празднованіе это представляетъ одну изъ самыхъ поэтическихъ страницъ въ лѣтописи духовной жизни человѣка.

II.

Послѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа.

Гоголь.

Религіозныя представленія языческаго міра находились подъ гнетущимъ

влечатлѣніемъ внѣшнихъ космическихъ процессовъ. Декабрьскіе праздники язычниковъ служили выраженіемъ благодарности за ниспосылаемые богами дары природы; въ нихъ высказывалась надежда на скорое наступленіе весны, тепла и свѣта. Съ появленіемъ христіанства открылась новая жизнь, новое міросозерцаніе. Надъ царствомъ природы, надъ внѣшними явленіями міра поднимается царство Божіе, царство духа; Богъ есть духъ, и ему нужно поклоняться духомъ и истиною. Человѣкъ долженъ обновиться духовно, и каждый обновившійся духомъ безъ различія званія и состоянія допускается къ участію въ царствіи Божіемъ. „Азъ есмь свѣтъ міру“, сказалъ Спаситель, и подъ животворными лучами этого новаго свѣта совершается духовное обновленіе человѣка.

Малоазійская церковь первая установила праздновать 6 января появленіе Христа во плоти — Епіфанію. Она исходила отъ той мысли что Іисусъ Христосъ, второй Адамъ, родился въ тотъ же день когда появился и первый человѣкъ. Адамъ созданъ былъ Богомъ на шестой день творенія; день этотъ приходился въ шестое число перваго іудейскаго мѣсяца; черезъ простое

перенесеніе мѣсяцевъ и чиселъ на хронологію римскаго календаря, шестое число января сдѣлалось днемъ рожденія Спасителя. Другія восточныя церкви праздновали въ этотъ день Крещеніе Христа, третьи воспоминали 6 января одновременно Рождество Христово и чудо въ Канѣ Галилейской: оно случилось въ тотъ день когда Іисусу Христу исполнилось тридцать лѣтъ, слѣдовательно число его совладало съ Рождествомъ. Но въ большей части восточныхъ церквей празднованіе Рождества и Крещенія совершалось въ одинъ и тотъ же шестой день января мѣсяца. Это одновременное празднованіе двухъ великихъ событій какъ бы умаляло значеніе каждаго изъ нихъ, и въ концѣ четвертаго вѣка отцы восточной церкви перенесли по примѣру запада празднованіе Рождества на 25 декабря. Основаніемъ для избранія именно этого числа послужило пророчество Аггея (2; 7, 9, 10, 16 и сл.) который *въ 24 день девятаго мѣсяца* имѣлъ видѣніе предсказывавшее славу новаго храма имѣвшаго быть заложеннымъ на слѣдующій день. Уже іудейскіе толкователи видѣли въ этомъ пророчествѣ указаніе на Мессію; христіане охотно приняли такое толкованіе,

ибо новозавѣтное ученіе отождествляетъ тѣло Христа съ храмомъ, и такимъ образомъ казалось несомнѣннымъ что день въ который должно было быть положено основаніе новому храму былъ именно днемъ Рождества Христова. Явились разнообразныя попытки опредѣлить въ какой мѣсяцъ долженъ былъ приходиться этотъ день. Въ Египтѣ, напримѣръ, за день Рождества принимали 25 число апрѣля, девятаго мѣсяца египетскаго года, или же 18 ноября, двадцать пятый день мѣсяца Атира, который, по египетскому календарю, приходился девятымъ считая отъ мѣсяца Фаменота приблизительно совладавшаго по времени съ Кизлефомъ, первымъ мѣсяцемъ іудейскаго года. Въ западной церкви приняли за точку отправленія мѣсяцъ мартъ, совладавшій съ первымъ іудейскимъ мѣсяцемъ Кизлефомъ, и такимъ образомъ день Рождества пришелся на 25 декабря. Въ 376 году празднованіе въ этотъ день Рождества Христова введено было въ Константинополѣ и Антіохіи, въ 431 году въ Александріи, а затѣмъ и во всѣхъ остальныхъ восточныхъ церквахъ.

Къ празднованію Рождества, установленному церковью въ извѣстное,

опредѣленное число, постепенно начали присоединяться: съ одной стороны цѣлый циклъ праздничныхъ дней обнимающихъ время отъ 25 декабря по 6 января, съ другой стороны — приготовленіе вѣрующихъ къ великому событію новозавѣтной церкви. Первое указаніе объ установленіи поста предъ Рождествомъ встрѣчается въ постановленіяхъ собора происходившаго въ 524 году въ Леридѣ (въ Испаніи); соборъ этотъ въ то же время запретилъ вѣнчаніе свадебъ вплоть до Крещенія (*tempus clausum*). Чтобы наглядно уяснить вѣрующимъ всю важность приготовленія къ великому событію, церковь затягивалась фіолетовыми тканями,—цвѣтомъ церковнаго траура,—священныя изображенія закрывались, органъ умолкалъ. Предъ очами вѣрующихъ должны были пройти въ историческомъ воспоминаніи мрачная духовная тьма временъ язычества и заря новаго свѣта рдѣвшая во вдохновенныхъ пророчаніяхъ пророковъ; для этой цѣли въ теченіе трехъ первыхъ недѣль поста читались въ извѣстной послѣдовательности пророчества, Апостолы и Евангелія. За недѣлю до Рождества начинались раннія утреннія миссы. Длинныя вереницы

вѣрующихъ, среди ночи, съ фонарями и факелами направлялись отовсюду къ ярко освѣщеннымъ церквамъ; сотни огоньковъ мелькали по горамъ, лѣсамъ и долинамъ, отражаясь въ сверкающемъ инеѣ деревьевъ; дѣти не отставали отъ родителей: по разказамъ современныхъ писателей, ихъ не могли остановить ни холодъ, ни снѣгъ, ни вѣтеръ. Впечатлѣніе производимое этимъ ночнымъ служеніемъ было такъ сильно что первыя слова миссы: *rorate coeli* (Пр. Исаія, 45, 8) навсегда остались въ памяти вѣрующихъ, и вся обѣдня прослыла подъ названіемъ *Roratmessen*. Въ самый день праздника служились три обѣдни: одна — ночью, другая—на разсвѣтѣ (*in aurora*), третья—утромъ. Стѣны церквей увѣшивались коврами, органъ гремѣлъ, сотни голосовъ пѣли *Осанна въ вышнихъ*, тысячи огней освѣщали храмъ, драгоцѣнные сосуды сверкавшіе дорогими камнями украшали алтарь. Но прежде нежели излагать подробности, окончимъ обозрѣніе праздничнаго цикла примыкающаго ко дню Рождества, ибо составъ его объяснитъ намъ многіе святочные обряды, игры и повѣрья. Іисусъ Христосъ снизшелъ на землю чтобъ открыть вѣрующимъ въ него доступъ къ царству небесно-

му. Изо всѣхъ членовъ юной христіанской общины, архидіаконъ Стефанъ первый пострадалъ за имя Христово и вошелъ въ небесное царство; поэтому память его (27 дек.) съ конца IV вѣка праздновалась непосредственно за праздникомъ Рождества (*feria secunda*), сначала въ восточной, потомъ и въ западной церкви. Христосъ завѣщалъ любить другъ друга и Самъ показалъ величайшій примѣръ любви, вочеловѣчившись чтобы пострадать за родъ человѣческій; празднуя Рождество естественно было вспомнить о любимомъ ученикѣ Іисуса—евангелистѣ Іоаннѣ, апостолѣ любви, и память его было посвящено 27 число декабря, третій день праздника. Древнѣйшая проповѣдь на этотъ день встрѣчается у преподобнаго Беды, англосаксонскаго пресвитера (677—738). Четвертый день праздника посвящался памяти младенцевъ избіенныхъ въ Виѳлеемѣ, и въ церковныхъ пѣсняхъ этого дня слышалось выраженіе особой нѣжности. Старинный гимнъ, сочиненный Пруденціемъ и до настоящаго времени входящій въ составъ богослуженія католической церкви 28 декабря, сравниваетъ невинно погибшихъ дѣтей съ

едва раскрывшимися цвѣтами розы которые уноситъ порывъ бури:

Salvete, flores Martyrum,
Quos lucis ipso in limite
Christi insecutor sustulit,
Ceu turbo nascentes rosas!
Vos, prima Christi victima,
Grex immolatorum tener,
Aram sub ipsam simplices
Palma et coronis luditis.

Черезъ недѣлю послѣ Рождества, начиная съ VII вѣка, праздновалось Обрѣзаніе Господне, и праздничный циклъ заключался 6 января, праздникомъ Крещенія. Циклъ Рождественскихъ праздниковъ обнималъ собою 12 дней, и этотъ объемъ праздничнаго времени встрѣчается уже въ IV вѣкѣ, въ твореніяхъ Ефрема Сирина, какъ извѣстное церковное установленіе. Соборъ 567 года въ Турѣ потвердилъ праздновать *Dodecaemeron* въ продолженіе котораго запрещено было поститься. Праздничный циклъ Рождества получилъ еще большее значеніе когда на 25 декабря было перенесено начало церковнаго года. Столѣтія должны были пройти прежде нежели это счисленіе получило всеобщее распространеніе. Многіе отцы церкви, по примѣру Іудеевъ, считали начало года съ

марта мѣсяца; какъ свѣтскій, такъ и церковный календарь въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ отличался неопредѣленностію, и лѣтосчисленіе историковъ часто разнилось отъ счисленія церкви и офиціальнаго года. Въ Голландіи, напримѣръ, Новый Годъ считался въ одно и то же время: отъ Рождества, Благовѣщенія, Великой Пятницы и Свѣтлаго Воскресенія, такъ что нотаріусы должны были указывать въ своихъ актахъ по какому стилю опредѣляютъ они годичные сроки. Во Флоренціи и Пизѣ до 1749 года считали годъ отъ Благовѣщенія или дня сотворенія міра. Римскіе папы сильно противились празднованію Новаго Года въ 1 число января; они видѣли въ этомъ возвращеніе къ языческому обычаю, ибо 1 января было началомъ языческаго римскаго года, и еще въ 742 году папа Захарій въ посланіи къ Бонифацію воспрещалъ въ Германіи считать годъ съ января мѣсяца. Счисленіе это начало распространяться съ IX вѣка, и къ Рождественскимъ праздникамъ присоединилось гражданское торжество Новаго Года.

Мы остановились въ нашемъ разказѣ на описаніи рождественской миссы.

Повѣствуемыя Евангеліемъ событія, при которыхъ совершилось рожденіе Іисуса Христа, производили глубокое и трогательное впечатлѣніе на массу; являлась потребность наглядно изобразить какъ Царь неба и земли покоится въ видѣ простаго младенца въ ясляхъ, среди пастуховъ и домашнихъ животныхъ, представить тѣлеснымъ очамъ то умилительное зрѣлище которое являлось предъ умственнымъ взоромъ. Есть поэтическая легенда рисующая силу впечатлѣнія производимаго евангельскимъ повѣствованіемъ о рожденіи Іисуса: это легенда о Маріи-ди Кастелло, которая въ рождественскую ночь постоянно видѣла умственными очами родившагося въ Виѳлеемѣ. Когда она скончалась, въ сердцѣ ея нашли жемчужину, и на ней было изображеніе Божественнаго Младенца лежащаго въ ясляхъ и Пресвятой Дѣвы стоящей предъ нимъ на колѣнахъ. Но не всѣмъ дана была въ удѣлъ такая напряженность духовнаго экстаза, и на помощь воображенію массъ въ церквахъ начали устраивать ясли съ изображеніемъ младенца Іисуса. По сторонамъ садились два лица изображавшія Іосифа и Марію; Богоматерь приглашала Іосифа лобаюкать младенца, а хоръ пѣлъ

одинъ изъ священныхъ рождественскихъ гимновъ; потребность принять участіе въ заботахъ о Божественномъ Младенцѣ, выразить Ему свою любовь и обожаніе была такъ велика, непосредственное чувство простой, дѣтской вѣры такъ сильно что народъ не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ происходившаго, и въ ритмическомъ, хороводномъ, плясовомъ движеніи радостно двигался вокругъ яслей. Лѣтъ около пятидесяти тому назадъ, въ рождественскую полночь на башнѣ главной церкви въ Тюбингенѣ еще качали обставленную свѣчами колыбель съ находившимся въ ней изображеніемъ младенца; музыка играла въ это время хоралъ *Слава въ вышнихъ Богу*, а народъ стоявшій внизу пѣлъ хоромъ колыбельную пѣснь Простыя ясли превратились съ теченіемъ времени въ полное изображеніе Виѳлеемской пещеры. На востокѣ постоянно изображалась пещера, на западѣ она часто замѣнялась изображеніемъ роскошнаго помѣщенія съ мраморными стѣнами и тріумфальною аркой вмѣсто входа. Еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ Тироля цѣлый приходъ даетъ средства для содержанія въ ис-

правности рождественскихъ ясель, и для этой цѣли даже отказываются суммы по духовнымъ завѣщаніямъ. Изъ церквей ясли перешли въ дома богатыхъ людей, которые не щадили тысячъ для ихъ устройства. Предъ наступленіемъ Рождества всѣ части яслей собираются и приводятся въ порядокъ; ясли украшаются свѣжимъ мхомъ, плющомъ, елками, и открываются послѣ вечерней трапезы въ рождественскій сочельникъ. Мы имѣемъ любопытное описаніе такихъ ясель, стоившихъ 10.000 гульденовъ и существующихъ въ одномъ изъ богатыхъ домовъ города Боцена въ Тиролѣ. Въ темномъ гротѣ покоится младенецъ Іисусъ; Богоматерь стоитъ предъ нимъ на колѣнахъ, а Іосифъ находится около входа. Предъ гротомъ лугъ, на которомъ пасутся овцы; ангелы съ золотыми крыльями разговариваютъ съ пастухами въ тирольскихъ костюмахъ; часть пастуховъ стоитъ на колѣняхъ предъ входомъ въ гротъ и на лугу. Надъ гротомъ высятся горы, на которыхъ видны дома и замки; по горамъ ходятъ охотники съ ружьями, пастухи и стада; рабочіе трудятся въ шахтахъ, отшельникъ молится предъ часовней, изъ берлоги выглядываетъ медвѣдь,

крестьянка несетъ молоко и масло, и т. д. Наканунѣ Новаго Года къ яслямъ прибавляется изображеніе обрѣзанія, а 5 января—изображеніе волхвовъ съ огромною и блестящею свитой. Иногда къ этому же числу изображается также и бракъ въ Канѣ Галилейской. Ясли занимаютъ довольно большое пространство, и когда все разставлено по своимъ мѣстамъ, зажжены свѣчи и растворены двери, толпа народа наполняетъ комнату и посѣтители безпрерывною чредой смѣняютъ другъ друга.

Въ необыкновенно понятной и близкой простому человѣку обстановкѣ Виѳлеемскихъ событій домашнія животныя тѣсно связались съ представленіемъ объ яслях. Никому не могло показаться удивительнымъ если эти животныя среди совершающагося чуда получали даръ слова. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Фландріи къ изображенію яслей присоединялась въ церкви особая процессія въ которой участвовали животныя. Молодой человѣкъ одѣтый ангеломъ привѣтствовалъ дѣвицу изображавшую Пречистую Дѣву словами Евангелія отъ Луки (1, 28): *Ave Maria* и т. д.; она отвѣчала ему также словами Евангелія: *Fiat* (Л. 1, 38). Являлся

мальчикъ на которомъ была надѣта сдѣланная изъ картона голова лѣтуха, и подражая его голосу кричалъ *puer natus est nobis* (Ис. 9; 6): родился намъ младенецъ; человѣкъ въ маскѣ быка кричалъ *ubi?* (гдѣ), овцы кричали въ отвѣтъ *Bethlehem*, оселъ кричалъ *hihanus!* (eamus, пойдемъ), и большая процессія въ сопровожденіи звѣрей направлялась къ яслямъ. Пастухи занимали также важную роль въ празднованіи событій рождественской ночи. Въ Руанѣ пастухи входили въ соборъ съ пѣніемъ „Pax in terris“, приближались къ яслямъ стоявшимъ за алтаремъ и поклонялись Божественному младенцу и Богоматери. Священникъ обращался къ нимъ съ вопросомъ: „кого вы видѣли, пастухи?“ и получалъ отвѣтъ: „мы видѣли младенца“. Подобный же обрядъ соблюдался во многихъ другихъ церквахъ. Въ одной изъ церквей Праги (*Cajetaner - Kirche*) до настоящаго времени съ послѣднимъ ударомъ полночи является сторожъ и двѣнадцать разъ трубитъ въ рогъ. Когда онъ замолкаетъ, пастухи начинаютъ около яслей играть на своихъ инструментахъ рождественскую пѣсню прославляющую рождество Спасителя, и этой музыкѣ акомпанируютъ голоса

всевозможныхъ птицъ, kукушекъ, голубей, горлицъ и т. д. Ко времени Рождества весь Римъ наполняется пастухами, которые по двое и по трое съ волынkами ходятъ отъ одной часовни kъ другой и поютъ рождественскія народныя пѣсни предъ изображеніемъ Мадонны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пастухи цѣлымъ обществомъ принимали особое участіе въ празднованіи Рождества, и цѣлая kорпорація ихъ пріобщалась Св. Таинъ за рождественскою обѣдней. Въ Богеміи наkанунѣ Рождества дѣти одѣваются пастухами и съ пѣніемъ ходятъ изъ дома въ домъ. Въ другихъ мѣстностяхъ пастухи трубятъ предъ oknами въ то время kогда семья сидитъ за столомъ возвратившись изъ церkви и получаютъ kусokъ рождественскаго леченья. Въ окрестностяхъ Данцига существуетъ повѣрье что если рожokъ пастуха издаетъ предъ kакимъ-нибудь домомъ глухой звукъ, то это предвѣщаетъ покойника. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Швабіи первоначальный обычай исkазился до неузнаваемости: дѣти надѣваютъ на себя kолоkольчики и бубенчики kоторые вѣшаютъ обыkновенно на шею kоровамъ, и съ палkами въ рукахъ цѣлый день бѣгаютъ по улицамъ въ kанунъ

Рождества. Вечеромъ ихъ угощаютъ орѣхами и яблоками предъ домомъ пастора.

Прибытіе волхвовъ также составляло въ церквахъ одинъ изъ главныхъ и любимѣйшихъ предметовъ наглядного изображенія рождественскихъ событій. Вокругъ простаго евангельскаго повѣствованія мало-по-малу сложилась апокрифическая легенда, записанная въ XV вѣкѣ. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта (Пс. 73, 10, Ис. 60) пришли къ заключенію что волхвы были цари, а изъ количества принесенныхъ ими даровъ вывели что царей этихъ было трое. Легенда разказываетъ что они царствовали надъ „тремя Индіями“ и назывались Каспаръ, Мельхіоръ и Балтасаръ. Каспаръ, самый высокій ростомъ, правилъ Аравіей, Мельхіоръ, самый маленькій, царствовалъ въ Нубіи, Балтасаръ, средній по росту, былъ царемъ Годоліи. Цари услыхали о пророчествѣ и опредѣлили двѣнадцать астрономовъ искать на небѣ обѣщанной звѣзды. Но когда звѣзда появилась, то она сіяла такъ ярко что затемнила солнце и всякій могъ ее видѣть простыми глазами; на ней было знаменіе креста и изображеніе младенца. Цари отправились въ путь; каждый изъ нихъ

взялъ съ собою множество сокровищъ и не зналъ про отправленіе двухъ другихъ. Въ 13 день путешествія, 6 января, они прибыли въ Виѳлеемъ, и желаніе ихъ поклониться Божественному Младенцу было такъ велико что они въ продолженіе всей дороги не вкушали пищи и не смыкали глазъ для сна. Свѣтъ сіявшій изъ ясель былъ такъ невыразимо улоителенъ что цари даже забыли про свои сокровища и принесли въ даръ младенцу что̀ было у нихъ въ рукахъ: ладанъ, мурру, золотое яблоко и тридцать золотыхъ монетъ. Золотое яблоко было нѣкогда сдѣлано по приказанію Александра Македонскаго чтобы служить символомъ его владычества надъ цѣлымъ міромъ: въ рукахъ Іисуса оно превратилось въ лепелъ. Тридцать золотыхъ монетъ были выбиты отцомъ Авраама; на нихъ Авраамъ купилъ первую землю въ странѣ обѣтованія; за нихъ былъ въ послѣдствіи проданъ Іосифъ. Всѣ эти дары Марія потеряла во время странствованія черезъ пустыню, гдѣ ихъ нашелъ бѣдный пастухъ, исцѣленный Іисусомъ, и въ знакъ своей благодарности за исцѣленіе принесъ все найденное имъ въ жертву на алтарь храма. Ладанъ былъ употребленъ на каж-

деніе, тридцатью монетами былъ купленъ Іуда предатель, изъ мурры приготовлено было послѣднее горькое литье для Спасителя. По возвращеніи въ свои страны, цари построили на горѣ храмъ, въ которомъ поставили изображеніе руководившей ими звѣзды, съ отлечатлѣннымъ на ней крестомъ и младенцемъ, и поселились въ этомъ храмѣ, проводя жизнь въ благочестивыхъ размышленіяхъ. Апостолъ Ѳома, просвѣтившій Индію, былъ первымъ священникомъ въ ихъ храмѣ. Однажды на Рождествѣ царямъ снова явилась звѣзда, и чрезъ нѣсколько дней послѣ этого явленія они почили вѣчнымъ сномъ.

Вліяніе этой легенды рано отразилось на церковныхъ обрядахъ. Вотъ какъ праздновалось, напримѣръ, въ Руанскомъ соборѣ воспоминаніе о волхвахъ въ день крещенія Іисуса. Три человѣка, изображавшіе трехъ благочестивыхъ царей, съ коронами на головахъ, входили въ соборъ въ сопровожденіи множества слугъ несшихъ богатые дары. Первый царь шелъ прямо къ алтарю и, показывая жезломъ на звѣзду, говорилъ: „звѣзда горитъ яркимъ сіяніемъ“; другой приближался съ правой стороны и произносилъ: „она

показываетъ рожденіе Царя всего міра"; третій царь подходилъ съ лѣвой стороны и добавлялъ: „пришествіе Его предсказывали пророки". Сошедшись у алтаря, три царя любызались и говорили: „пойдемъ искать Его и принесемъ Ему злато и ливанъ и смирну". Послѣ этихъ словъ начиналась процессія двигавшаяся по всему собору. Когда процессія приближалась къ главному алтарю, надъ нимъ зажигалась большая люстра, и цари въ лѣніи разказывали что предъ ними шествуетъ звѣзда возвѣщающая рожденіе Спасителя. Двое священниковъ лѣли: кто вы такіе, вы которые подъ руководствомъ звѣзды приносите намъ такую вѣсть? Цари называли себя и говорили что они пришли поклониться Іисусу и принести ему дары. Священники отстраняли завѣсу покрывавшую ясли и говорили: вотъ тотъ кого вы ищете, Избавитель міра. Цари падали на колѣна, покланялись Божественному Младенцу, приносили ему свои дары и оставались распростертыми на землѣ какъ бы погрузившись въ сонъ. Мальчикъ изображавшій ангела лѣлъ тогда: пророчество исполнилось; ступайте въ страну свою другимъ путемъ. Цари поднимались, выходили черезъ боко-

вую дверь изъ церкви, и снова возвратившись въ нее, управляли въ теченіе обѣдни лѣніемъ хора.

III.

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали.
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили.

Жуковскій.

Совершавшееся въ церкви драматическое изображеніе праздничныхъ событій не удовлетворяло массу: народу недостаточно было только глядѣть на повѣствуемую ему въ лицахъ евангельскую исторію; онъ чувствовалъ потребность самъ принять дѣятельное участіе въ наглядномъ, драматическомъ ея представленіи, перенести это представленіе за предѣлы церкви, въ дома, на площади. Процессія волхвовъ, *трехъ святыхъ царей*, какъ называлъ ихъ народъ, скоро начала двигаться по улицамъ селъ и городовъ; обстановка ея была, за нѣкоторыми незначительными мѣстными особенностями, одинакова во

всей Европѣ. Три человѣка облекались въ бѣлыя сорочки, опоясывались полосою золотой бумаги и надѣвали сдѣланныя изъ того же матеріала золотыя короны. Одинъ изъ участвующихъ намазывалъ себѣ лицо сажей чтобы наглядно изобразить царя Арабовъ и подъ корону наматывалъ пеструю чалму. Двое царей имѣли въ рукахъ вызолоченныя копья, третій несъ такъ-называемую звѣзду, большой вызолоченный кругъ прибитый къ палкѣ, впереди которой прикрѣплена была доска. На доскѣ помѣщалось разукрашенное зданіе, дворецъ Ирода; изъ главнаго его окна выглядывалъ самъ Иродъ, страшная красная голова въ черномъ парикѣ. Предъ домомъ Ирода находились ясли съ изображеніемъ Іисуса и Богоматери; возлѣ нихъ стояли быкъ и оселъ, а близь ясель устраивалась бесѣдка съ миніатюрными изображеніями трехъ волхвовъ. Какъ звѣзда, такъ и всѣ фигуры помѣщенныя на доскѣ, могли быть посредствомъ нитей приводимы въ нѣкоторое движеніе и освѣщались множествомъ свѣчъ. Толпа народа сопровождала процессію которая останавливалась на площадяхъ, на перекресткахъ, предъ домами; волхвы въ сти-

хахъ разkазывали изображаемое ими евангельское событіе, звѣзда и фигуры на доскѣ приводились въ движеніе при соотвѣтствующихъ мѣстахъ разkаза. Иродъ выглядывалъ изъ своего окна и спрашивалъ волхвовъ kуда они идутъ; онъ предлагалъ имъ остаться у него, обѣщая имъ то незатѣйливое угощеніе которое составляетъ роскошь въ глазахъ народа. Записанный въ Германіи разговоръ между Иродомъ и волхвами проникнутъ такою неподдѣльною, наивною народною поэзіей что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь:

Herodes sprach: Kommt 'rein zu mir,
Ich will euch geben Wein und Bier,
Ich will euch geben Heu und Streu
Ich will euch geben Zehrung frei.

Волхвы отвѣчали:

Ach nein, ach nein, wir müssen fort,
Wir haben ein kleines Kindlein dort:
Ein kleines Kind, ein grosser Gott,
Der Himmel und Erde erschaffen hat.

Послѣ этого разговора Иродъ прятался; звѣзду переставали вертѣть, ибо волхвы приближались kъ яслямъ надъ kоторыми она остановилась, и поkлонившись Іисусу приносили ему свои дары. Но народная фантазія шла

далѣе. Въ церквахъ, на улицахъ, въ домахъ предъ глазами народа подни-мались образныя представленія волх-вовъ, ясель, пастуховъ: оставалось сдѣ-лать еще одинъ шагъ и воображенію долженъ былъ наглядно представиться самъ Младенецъ Іисусъ. Среди населе-нія горныхъ и лѣсистыхъ мѣстностей Германіи, тамъ гдѣ близость вѣчно юныхъ силъ природы поддерживаетъ и охраняетъ жизнь фантазіи и чув-ства, существуетъ еще и въ настоящее время множество легендъ описываю-щихъ непосредственное присутствіе на землѣ Спасителя въ образѣ младен-ца во время Рождественскихъ празд-никовъ. Одна дѣвушка обладала не-счастнымъ даромъ: она знала впередъ день, часъ и минуту своей смерти, и это знаніе отравляло ей жизнь; она по-стоянно считала сколько ей еще остается жить на бѣломъ свѣтѣ, по-стоянно видѣла предъ собою образъ смерти и не имѣла ни одной радостной минуты. Въ безысходной тоскѣ вы-шла она разъ подъ Рождество изъ дома, съ плачемъ упала на берегу озера и обратилась ко Младенцу Іи-сусу съ горячею мольбою ниспо-слать ей скорую смерть. И вотъ со дна озера началъ подниматься на его

поверхность яркій свѣтъ; темныя волны раступились; предъ дѣвушкой явился лучезарный образъ Младенца и протянулъ ей руку съ зачерпнутою въ ней водой. Дѣвушка выпила эту воду и съ этого мгновенія позабыла про минуту своей смерти. Угольщикъ, открыто подсмѣивавшійся надъ преданіями и вѣрованіями рождественскаго цикла, вмѣсто того чтобы наканунѣ Рождества идти въ церковь, заключилъ въ этотъ вечеръ торговую сдѣлку и до поздней ночи пропировалъ въ гостиницѣ. Распѣвая легкомысленныя пѣсни, возвращался онъ домой черезъ лѣсъ, когда вдругъ все вокругъ него покрылось густымъ мракомъ: чьи-то холодныя крылья начали вѣять надъ нимъ, а кругомъ зазвучали страшные голоса. Кровь стала леденѣть въ жилахъ грѣшника, и онъ почувствовалъ что наступила его послѣдняя минута. Въ немъ проснулись лучшія чувства: онъ обратился ко Младенцу Іисусу съ моленіемъ оказать ему предстательство предъ престоломъ Всевышняго. И въ ту же минуту невидимая теплая дѣтская ручка схватила застывшую руку угольщика и подняла его на ноги. Громадная ель запылала яркимъ пламенемъ, предъ глазами его вырвалась

съ корнями изъ земли и пошла предъ нимъ какъ свѣточъ. Такъ дошелъ онъ до своего дома. Невидимая рука выпустила его руку, а ель предъ его домомъ опустила свои корни въ землю, пропылала цѣлую ночь и до настоящаго времени стоитъ обгорѣлымъ пнемъ. Одинъ охотникъ не вѣрилъ во Младенца Іисуса. Въ Рождественскую ночь онъ шелъ одинъ по лѣсу: вдругъ предъ нимъ появился среди лѣсной тропинки маленькій ребенокъ, отъ котораго исходило удивительное сіяніе озарявшее лѣсъ свѣтомъ совершенно подобнымъ солнечному. Ребенокъ заговорилъ, и голосъ его свѣтло и кротко звенѣлъ какъ звукъ самаго гармоническаго колокольчика: „мнѣ жаль тебя; открой твое злое сердце; взгляни въ мои свѣтлыя очи и все просвѣтлѣетъ въ тебѣ.“ Охотникъ схватилъ ружье и прицѣлился. Въ воздухѣ раздался тихій, тихій плачъ, видѣніе померкло и исчезло, и въ ту же минуту злой духъ уже уносилъ съ собою злое сердце которое не могъ растрогать видъ Младенца Іисуса. Въ Богемскомъ лѣсу дѣтямъ говорятъ что съ наступленіемъ ночи на Рождество Христосъ въ образѣ младенца, въ золотой колесницѣ, окружен-

ный сіяніемъ, тихо несется по воздуху; колесница запряжена двумя бѣлоснѣжными лошадками; солнечные лучи служатъ вмѣсто возжей; звукъ отъ колесъ такъ гармоиченъ что послѣ него самая лучшая музыка кажется грубою и непріятною. Съ наступленіемъ сумерекъ, дѣти одѣтыя по праздничному начинаютъ читать молитвы, всѣ какія они умѣютъ; сумерки густѣютъ, въ комнатѣ становится все темнѣе и темнѣе, но въ этотъ вечеръ нѣтъ мѣста для страха: всякая темная сила бѣжитъ предъ таинственнымъ сошествіемъ Христа на землю. Вотъ что-то зашумѣло за дверью; комната освѣтилась и въ нее входитъ къ дѣтямъ Самъ Христосъ въ сопровожденіи ангела несущаго въ рукахъ мечъ. Роль Христа играетъ обыкновенно взрослая дѣвушка, одѣтая въ бѣлое платье, съ длиннымъ бѣлымъ вуалемъ и золотою короной на головѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ; очевидцы съ изумленіемъ разказываютъ какое необыкновенное достоинство обнаруживаютъ въ этой роли самыя простыя дѣвушки изъ числа домашней прислуги. Ангелъ возвѣщаетъ великую и радостную вѣсть о рожденіи Спасителя. Затѣмъ дѣвушка изображающая Христа начинаетъ раз-

спрашивать, хорошо ли молятся дѣти въ этомъ домѣ, прилежно ли они учатся и хорошо ли себя ведутъ. Ангелъ является обвинителемъ: онъ отвѣчаетъ что дѣти не молятся утромъ, вставая съ постели, что они рвутъ свои книги и забрасываютъ ихъ въ уголъ. Вѣсть эта опечаливаетъ Христа, и тогда ангелъ начинаетъ просить за дѣтей и обѣщаетъ что они исправятся. Послѣ этого дѣтямъ раздаются подарки. Въ Эльзасѣ Христа сопровождаетъ страшная фигура, вся закутанная въ черное и съ головы до ногъ покрытая цѣпями которыми она со звономъ потрясаетъ. Фигура эта должна изображать діавола побѣжденнаго чрезъ появленіе Христа на землю.

Съ теченіемъ времени изъ драматическихъ обрядностей Рождественскаго богослуженія сложилась цѣлая драма, въ которой соединились въ одно цѣлое различныя событія изъ дѣтства Іисуса. Драмы эти давались первоначально въ церквахъ на латинскомъ языкѣ и нѣкоторыя изъ нихъ, относящіяся къ эпохѣ отъ IX до XI столѣтій, поражаютъ своею высокою поэтическою простотой Но затѣмъ эти церковныя представленія, *мистеріи*,

какъ принято называть ихъ, начинаютъ принимать догматическій и аллегорическій характеръ. Предъзрителями являлись ветхозавѣтные пророки, предводимые блаженнымъ Августиномъ; противъ нихъ выступали Іудеи и начиналось догматическое словопреніе, въ которомъ на помощь пророкамъ являлись Виргилій, нѣкоторые стихи котораго уже со времени Лактанція изъяснялись церковными писателями въ смыслѣ пророчества о Спасителѣ, и Сивиллы. Споръ рѣшался въ пользу пророковъ и за этимъ прологомъ начиналось представленіе евангельскихъ событій: рожденіе Іисуса, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ и т. д. ВъXIV и XV вѣкахъ получили особенное развитіе свѣтскія представленія изъ евангельской исторіи. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи они сохранились до настоящаго времени и существуютъ еще теперь въ Каринтіи и Силезіи. Мы остановимся на драматическомъ представленіи Рождественскихъ событій,происходящемъ въ Венгріи, въ деревнѣ Оберуферъ, лежащей на разстояніи получаса ходьбы отъ города Пресбурга. Представленія эти почти безъ измѣненія сохранили старинныя преданія и всего лучше мо-

гутъ познакомить читателей съ характеромъ и внѣшнею обстановкой народной религіозной драмы. Не позабудемъ что драма эта играется въ наши дни.

Деревня Оберуферъ населена колоніей нѣмецкихъ крестьянъ-протестантовъ выселившихся изъ Германіи въ XVI вѣкѣ. Рукопись Рождественской драмы, всѣ принадлежащіе къ ней костюмы и выписанныя роли находятся въ наслѣдственномъ обладаніи одной семьи, глава которой занимаетъ постоянно роль „учителя“ при постановкѣ и исполненіи рождественскаго спектакля. Драма представляется не каждый годъ; время отъ времени старики по окончаніи осеннихъ работъ говорятъ „учителю“: хорошо бы молодымъ людямъ опять позаняться Священнымъ Писаніемъ и протвердить священныя пѣсни; если будетъ досугъ, хорошо бы опять сладить „игру“. Если „учитель“ находитъ время удобнымъ, онъ набираетъ себѣ „школу“, члены которой принимаютъ извѣстныя обязательства: во время разучиванія и представленій никто не можетъ ходить въ общество дѣвушекъ, никто не долженъ пѣть свѣтскихъ пѣсенъ; всѣ обязуются вести строгій образъ жизни

и повиноваться учителю. Во всей деревнѣ не слышно болѣе звуковъ свѣтской музыки. Разучиваніе ролей совсѣмъ не легко и исполняется съ величайшею тщательностью; слова должны произноситься извѣстнымъ установленнымъ тономъ и на каждый шагъ дѣлаемый исполнителями, которые по большей части находятся въ движеніи, долженъ падать подъемъ въ стихѣ. Въ первое воскресенье Рождественскаго поста (*1er Adventssonntag*) вся „школа“ собирается въ домъ учителя и отсюда въ торжественной процессіи обходитъ всю деревню. Впереди несутъ „райское дерево“—высокій кустъ украшенный лентами и увѣшанный яблоками. За нимъ слѣдуетъ богато вызолоченная „звѣзда“ сдѣланная изъ дерева и имѣющая два фута въ діаметрѣ: ее несутъ на шестѣ устроенномъ въ видѣ громадныхъ ножницъ, и это устройство позволяетъ развигать звѣзду на цѣлую сажень и опять приводить ее къ первоначальному размѣру. Затѣмъ слѣдуютъ исполнители: архангелъ Гавріилъ, Іосифъ, Марія, Иродъ, діаволъ, книжники и первосвященники, пастухи, военачальники, воины и Евреи. Совершивъ свой обходъ, во время котораго „школа“, превратившаяся уже

теперь въ общество, *die Compagnei*, поетъ какую-нибудь духовную пѣснь, процессія направляется къ мѣсту приготовленному для представленія; обыкновенно оно происходитъ въ гостиницѣ. Близь входной двери отгорожено занавѣсью извѣстное пространство предназначенное для одѣванія и раздѣванія дѣйствующихъ лицъ; чрезъ эту уборную зрители входятъ въ залу. По всѣмъ тремъ ея стѣнамъ въ формѣ подковы разставлены лавки для публики; за входъ взимается два крейцера со взрослыхъ и одинъ съ дѣтей: этотъ сборъ идетъ на покрытіе издержекъ. Сцена заключается въ свободномъ пространствѣ оставленномъ между лавками; здѣсь вмѣсто всякой декораціи стоятъ плетеное изъ соломы кресло и скамья. Значеніе ихъ условно: если на серединѣ стоитъ кресло, то это обозначаетъ что дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ; если дѣйствующія лица сидятъ на скамьѣ, то мѣстность изображаетъ Виѳлеемъ и, для большей наглядности, Іосифъ держитъ на ладони домикъ плетеный изъ соломы. Каждая перемѣна обозначается обходомъ совершаемымъ всею „компаніей“ при пѣніи соотвѣтственной духовной пѣсни; затѣмъ хоръ удаляет-

ся и на срединѣ остаются только дѣйствующія лица. Предъ началомъ представленія, „компанія“ предъ входною дверью становится лицомъ къ зрителямъ наполняющимъ всю улицу и въ лѣніи „славитъ“ Бога Отца и Сына, Богородицу, Іосифа, Младенца Іисуса, а затѣмъ привѣтствуетъ владѣльца, судью, общинный совѣтъ и всю „честную общину“; каждый изъ привѣтствуемыхъ торжественно снимаетъ свою шляпу и, наконецъ, всѣ зрители обнажаютъ головы. Послѣ этого лѣвцы уходятъ одѣваться, а діаволъ одѣтый весь въ черное, съ рогами и длиннымъ хвостомъ, бѣгаетъ по деревнѣ и трубя въ коровій рогъ забѣгаетъ во всѣ дома и приглашаетъ всѣхъ замѣшкавшихся смотрѣть „игру“. Представленіе начинается въ три часа пополудни и продолжается два часа; если набираются новые зрители „компанія“ начинаетъ представленіе сызнова и такимъ образомъ случается что „игру“ приходится повторять три раза въ одинъ день. Представленія продолжаются въ теченіе всего поста и всѣхъ праздниковъ и даются два раза въ недѣлю, по пятницамъ и воскресеньямъ; въ остальные дни „компанія“ отправляется играть въ сосѣднія деревни; но

она играетъ только тамъ гдѣ ее встрѣчаютъ съ приличною случаю торжественною важностію. Впереди несутъ звѣзду, и если случится что деревня къ которой приближается „компанія“ сама затѣяла играть у себя рождественскую „игру“, то мѣстная „компанія“ въ преднесеніи звѣзды выступаетъ на встрѣчу чужой, и между обоими звѣздоносцами начинается борьба состоящая въ разрѣшеніи загадокъ заимствованныхъ по большей части изъ Св. Писанія. Вопросъ о томъ которая изъ двухъ компаній должна будетъ играть рѣшается побѣдой одержанною ея звѣздоносцемъ.

Воспоминаніе о младенцахъ избіенныхъ въ Виѳлеемѣ также дало поводъ къ драматическимъ представленіямъ, но представленія эти были совершенно особаго рода. На четвертый день Рождества, въ день „невинныхъ младенцевъ“ все церковное служеніе отправлялось дѣтями-мальчиками. Въ Гамбургѣ школьники выбирали изъ среды себя уже 30 ноября, въ день апостола Андрея Первозваннаго, дѣтскаго аббата, который пользовался въ церквахъ и при всѣхъ другихъ торжествахъ всѣми почестями и преимуществами епископскаго сана. Но въ день

Святителя Николая власть его прекращалась и уже не одни ученики, а всѣ дѣти вообще избирали изъ среды себя дѣтскаго епископа остававшагося въ этомъ санѣ съ 6 по 28 декабря. Избранный, въ полномъ епископскомъ облаченіи, направлялся въ соборъ, занималъ здѣсь почетное мѣсто у алтаря, произносилъ поученіе, по окончаніи обѣдни садился на лошадь и въ сопровожденіи множества дѣтей, одѣтыхъ частію въ духовныя облаченія, частію замаскированныхъ, въ торжественной процессіи совершалъ объѣздъ по городу. Процессія эта возобновлялась каждое воскресенье до 25 декабря, но она скоро превратилась въ шутовской маскарадный поѣздъ, въ праздникъ „шутовъ и ословъ“. Причиной этого вырожденія было главнымъ образомъ то обстоятельство что во время участія дѣтей въ богослуженіи въ церковь вводился оселъ, который долженъ былъ напоминать Валаамову ослицу предсказавшую появленіе звѣзды и волхвовъ. Въ Бельгіи и до настоящаго времени дѣти 25 декабря играютъ въ домѣ роль старшихъ: они одѣваются въ платье своихъ родителей, заказываютъ кушанье—составъ рождественскаго обѣда впрочемъ заранѣе опредѣленъ

обычаемъ—даютъ порученія прислугѣ и т. д. Обычай этотъ простирается даже на монастыри. Младшая изъ монахинь получаетъ 25 декабря въ свое распоряженіе всѣ монастырскіе ключи и играетъ роль настоятельницы; имена монахинь мѣняются на этотъ день и младшія называются именемъ старшихъ и наоборотъ. Такая же перемѣна ролей происходитъ въ пансіонахъ, гдѣ ученицы играютъ 25 декабря роль учительницъ. Остатокъ средневѣковыхъ обычаевъ сохранился также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи въ которыхъ дѣти на Рождествѣ бьютъ взрослыхъ прутьями и еловыми вѣтками, прося себѣ подарковъ.

Но всѣми этими воспоминаніями, обрядами и процессіями еще далеко не исчерпывался неистощимый родникъ народной фантазіи, народныхъ повѣрій и преданій. Средніе вѣка изображали первомученика Стефана Христовымъ знаменоносцемъ, который на бѣломъ конѣ высоко несетъ хоругвь предъ мученическимъ воинствомъ; въ то же время архидіаконъ Стефанъ былъ первый раздававшій вѣрующимъ дары съ братской трапезы любви. Отсюда сложилось повѣрье что онъ на Рождествѣ объѣзжаетъ землю на своемъ бѣломъ

конѣ и раздаетъ дѣтямъ подарки; отсюда и существующій, напримѣръ, во Фрисландіи обычай дарить дѣтей только на второй день Рождества, когда празднуется память архидіакона Стефана. Средніе вѣка избрали его покровителемъ лошадей и поэтому на второй день праздника выѣзжали лошадей чтобъ онѣ оставались здоровыми на цѣлый годъ, пускали имъ кровь, устраивали скачки. 27 декабря, въ день Св. Евангелиста Іоанна, въ церквахъ освящалось вино или медъ и раздавалось вѣрующимъ, которые часть выливали въ самой церкви, а другую уносили домой какъ лѣкарство противъ отравленія ядомъ. Обычай этотъ основывался на легендѣ: она разказывала что жрецы храма Діаны въ Ефесѣ поднесли Іоанну чашу съ ядомъ служившимъ для отравленія преступниковъ; апостолъ благословилъ чашу; изъ нея выползла змѣя, и послѣ этого Іоаннъ вылилъ ядъ безъ всякаго вреда, а умерщвленные ядомъ преступники воскресли. Почетное и обширное мѣсто въ рождественскихъ повѣрьяхъ и обрядахъ отведено народною фантазіей Святителю Николаю, епископу Муръ Ликійскихъ. Его почитали какъ покровителя и заступника дѣтскаго

юношескаго возраста, а самое имя его (Николай—побѣдитель народовъ)вызывало представленіе о побѣдѣ надъ адомъ и его темными духами. Въ Нидерландахъ существуетъ повѣрье что Святитель Николай предъ Рождествомъ, на бѣломъ конѣ, объѣзжаетъ землю чтобы раздавать подарки добрымъ дѣтямъ и наказывать дурныхъ и лѣнивыхъ. Вечеромъ 5 декабря улицы голландскихъ городовъ полны народомъ и лавки ярко освѣщены; всѣ закупаютъ разные подарки, въ числѣ которыхъ неизбѣжное мѣсто занимаютъ раззолоченныя пряничныя фигуры называемыя *Niklasgut*. Ложась спать, дѣти выносятъ въ этотъ вечеръ свои башмаки въ лучшую комнату дома и кладутъ въ нихъ нѣсколько сѣна и овса предназначенныхъ служить пищей для бѣлаго коня на которомъ Св. Николай долженъ пріѣхать въ эту ночь. Родители въ присутствіи дѣтей торжественно запираютъ комнату; на слѣдующій день она отпирается когда вся семья находится въ сборѣ, и въ ней показываютъ опрокинутые столы и стулья служащіе доказательствомъ того что ночью здѣсь былъ конь; посѣщеніе Св. Николая становится для дѣтей несомнѣннымъ, потому что вмѣсто

сѣна и овса въ дѣтскихъ башмакахъ лежатъ яблоки, печенье и разные подарки. Въ Австріи, Баваріи, Эльзасѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швабіи, Св. Николай въ полномъ епископскомъ облаченіи путешествуетъ на Рождествѣ по деревнямъ и раздаетъ подарки; во многихъ мѣстахъ пекутся особаго рода пироги изображающіе Святаго верхомъ на конѣ или лѣшкомъ. Во многихъ мѣстностяхъ Св. Николай отождествляется съ языческимъ образомъ Рупрехта, о которомъ мы говорили въ первой главѣ, а въ иныхъ одновременно путешествуютъ по деревнямъ нѣсколько лицъ изображающихъ Св. Николая, апостола Петра, Рупрехта и ангела. Начиная съ XIV вѣка духовенство старалось дать христіанскую окраску глубоко-вкоренившейся въ народномъ вѣрованіи легендѣ о „дикой охотѣ“ Одина. Мѣсто Одина занимаетъ архангелъ Гавріилъ, и сообразно съ этимъ дикая охота переименована въ Страффордширѣ въ *Gabriel hounds*, а въ Вестфаліи въ охоту ангеловъ, *de engelske Jagd*. Гавріилъ посланъ на землю „возвѣстить дщери Сіона приближеніе ея царя“; собаки получи-

ли аллегорическое значеніе: онѣ изображаютъ различныя добродѣтели, справедливость, милосердіе, правду и т. д.

Въ повѣрьяхъ и преданіяхъ, которыми такъ обильно святочное время, прошедшее сливается съ настоящимъ, воспоминаніе тѣсно связывается съ непосредственнымъ представленіемъ. Наиболѣе ощутительною связью между прошедшимъ и настоящимъ является семья, этотъ родственный союзъ поколѣній съ ихъ обычаями, идеалами и вѣрованіями. Семья, хранительница преданія и исторіи, двухъ драгоцѣннѣйшихъ достояній человѣческаго общества, по преимуществу призвана праздновать Рождество и святки въ силу той вѣковой и непосредственной связи, которую имѣетъ этотъ праздничный циклъ со всѣми ея членами. Пожелаемъ чтобы „духъ времени“ не отрывалъ человѣка отъ семьи на время святокъ, и чтобы каждый изъ насъ могъ на это время безраздѣльно и безпрепятственно отдаваться умиротворяющему вліянію и поэзіи домашняго очага. Быть-можетъ родители поймутъ тогда какое неразрѣшимое противорѣчіе заключается между понятіями *елка* и *клубъ*, какое громадное воспитательное и гу-

манизирующее значеніе можетъ имѣть для дѣтей семейное празднованіе святокъ, и какъ важно для современнаго человѣка отдохнуть умомъ и душой среди семьи съ которою постоянно разлучаетъ его *злоба дня*.